

А. И. ГОЛОВНЯ,
ЮЙ ЯН

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТАМИ- НОМИНАЦИЯМИ ДИКИХ ПТИЦ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Фразеологизмы с компонентами-номинациями диких птиц представлены и в русской, и в китайской паремиологии. Птицы занимают особое место в мире природы и в жизни человека. Они издревле сопровождают людей повсюду: в труде, на охоте, в мечтах.

Определенные признаки птицы и ее поведения оказываются отправной точкой её символизации. Возникают сентенции типа: *птица глупа (мудра)*, *птица отважна (труслива)*, *птица радуется людям (спать не дает)*, *птица заботится о своем потомстве (бросает его)*. Таков может быть и человек. Не исключен и иной ход ассоциативных цепочек. В жизни и деятельности человека есть масса предметов и явлений, которые своей быстротой, неожиданностью, звуком могут напомнить птицу.

Лингвистический анализ орнитонимов, их значения, процессов семантического словообразования, способности быть «производящей основой» для множества паремий, отображающих мировосприятие и культуру народа на разных этапах его развития, уяснение связи птиц и их наименований с мифологическими представлениями народа, изучение роли орнитонимов в расширении изобразительных возможностей языка – все это позволяет внести определенный вклад в познание национальной духовной культуры и ее традиций.

Орнитонимы в русском и китайском языках характеризуются яркой самобытностью, начавшей проявляться уже в древности и с течением времени усилившейся. Лексический состав русского языка отражает как специфические черты системы русских наименований птиц, так и особенности, общие с иноязычной, в частности, китайской орнитонимией, что проявляется не только в первичных, прямых значениях орнитонимов, но и в их генетически более поздних, переносных значениях.

Расширение и систематизация знаний, связанных с ролью птиц и называющих их орнитонимов в формировании и развитии духовной жизни народа, вносит определенный вклад в теорию взаимодействия языка и духовной культуры, демонстрируя, что в этом процессе разные народы имеют не только различное, но и общее.

Бесспорным научным фактом является то, что язык играет важнейшую роль в формировании национальной картины мира: язык – это орудие познания, с помощью которого фиксируются, аккумулируются и хранятся результаты познания, это носитель социальной, исторической и культурной памяти человечества, всей суммы его знаний. Именно язык отражает национальную специфику видения мира.

В пословицах и поговорках находят отражение национально-культурная специфика жизни народа: быт, нрав, обычаи, реальные исторические события

и ситуации. Они фиксируют взаимоотношения различных сторон действительности, характеризуют человека, его мировоззрение и общественные отношения между людьми.

Для китайского языка, также как и для русского, характерно богатство идиоматического фонда. Пословицы китайского языка – наследие прошлого, где как нигде выражен национальный компонент. Китайские пословицы включают в себя готовые выражения, недоговорки-иносказания. Многие народные речения (так называют пословицы и поговорки в китайском языке), возникнув в древности, дошли и до наших дней. Современный китайский язык продолжает пополняться новыми народными речениями.

Пословицы китайского языка с компонентами-номинациями диких птиц, безусловно, являются уникальными, специфическими в системе китайского языка. Они возникают на национальной основе, и многие из них отражают культуру и традиции.

Посредством исследования национально-культурной специфики пословиц и поговорок китайского языка можно лучше понять их значение и языковые особенности. Китайские пословицы и поговорки воплотили в себя жизненные наблюдения, опыт и мудрость китайского народа. Часто данные изречения безличностны, нередко имеют поучительный характер. По форме они представляют предложения.

На протяжении многих веков каждый народ накапливает свой жизненный опыт и свои наблюдения. С давних времен способом хранения их коллективного опыта выступают пословицы и поговорки. Особые свойства сделали пословицы – устные краткие изречения на самые разные темы – и поговорки – меткие речения, образно определяющие какие-либо жизненные явления – столь необходимые в быту и речи.

Фразеологические метафоры строятся на реальных сюжетах из жизни птиц (*ворон ворону глаз не выклюет*) или вымышленных ситуациях (*возродиться как феникс из пепла*), в которых часто употребляется утрированно. Так, встречается преувеличение качества (*жить как птицы небесные, петь как соловей, невинный как голубь*), дальности (*куда ворон костей не заносил*).

Преуменьшение – другой распространенный прием построения метафор: *воробью по колено; есть притча короче носа птичья*.

Употребление несопоставимых по размеру объектов создает в некоторых выражениях эффект гротеска: *разложить воробья на двенадцать блюд, стрелять из пушки по воробьям*.

Контраст – один из наиболее интересных приемов создания образных ситуаций. Рассмотрим русские фразеологизмы, в которых названия птиц находятся на позициях контраста, обращая внимание на сходство и различие образности орнитонимов.

1. *Ни пава ни ворона*. Эта фразеологическая единица (далее – ФЕ) включает повторяющийся союз *ни*, посредством которого две птицы (*павлин и ворона*) ставятся в положение контраста. Фразеологизм *ни пава ни ворона* означает «иметь сомнительное социальное положение», а каждая птица является символом определенного социального слоя: *павлин* – высшего, *ворона* – низ-

шего. Такая символика обусловлена переносным значением орнитонимов: павлин – чванливый, надменный человек, нередко в пышной, особенно чужой, одежде; ворона – нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака.

Противопоставление павлина вороне традиционно в русской фразеологии. Оно встречается в таких фразеологических единицах: *ворона в павлиньих перьях; от ворон отстал, а к павам не пристал*. Пословица *ворона в павлиньих перьях* означает – несоответствие пышной внешности (перья павлина) скудному внутреннему миру.

Таким образом, контраст «высокое – низкое социальное положение» может передаваться противопоставлением следующих птиц-символов: *павлин – ворона*.

2. *Вороне соколом не бывать*. Этот фразеологизм имеет значение «разгильдю не под силу то, что может сделать молодец». Контраст *ворона – сокол* в русской фразеологии основан на противоположных переносных значениях. Сокол – молодец, блестящий, перспективный молодой человек. В ФЕ *вороне соколом не бывать* орнитонимы символизируют разгильдяйство, трусость и слабость, контрастирующие с доблестью, храбростью и силой.

Противопоставление вороны и сокола встречается во многих русских фразеологизмах. Например: *был бы сокол, а вороны налетят; видом сокол, а голосом ворона; грач соколу добыча, а лягушка вороне; как ни бодрись ворона, а до сокола далеко; мертвым соколом и вороны не затравишь; на чужой стороне и сокола зовут вороной; не пугай сокола вороной; плох сокол, что ворона с места сбила / что на воронье место сел; сокол с лету хватает, а ворона и сидячего не поймают; залетела ворона в высокие хоромы, не боится ясного сокола*.

3. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. Синица выступает в качестве символа малого, но реального прироста, журавль – большого, но сомнительного. Эта пословица имеет несколько вариантов: *синица в руках лучше соловья в лесу; лучше голубь на тарелке, чем глухарь на току*. В первом из них синица противопоставляется соловью как певчая птица. Известно, что соловей – первый певец из всего птичьего царства. Синица в этом отношении не представляет никакой ценности. Тем не менее, доступность этой птицы делает ее ценнее для человека. Во втором варианте *голубь* и *глухарь* сравниваются по вкусовым качествам.

4. *Променять кукушку на ястреба*. Выражение означает «променять меньшее зло на большее». Его смысловой центр – противопоставление *кукушки* (меньшего зла) и *ястреба* (большого зла). Символика этих птиц неслучайна. С точки зрения русских, кукушка не только бесполезна в хозяйстве, но и является зловещей птицей, так как предсказывает трагические события. Ястреб еще хуже, поскольку он ворует с подворий цыплят и мелкую домашнюю птицу. В одной русской пословице утверждается, что поменять этих двух птиц нелегко: *и старую кукушку на ястреба не поменять*.

5. *За обедом соловей, а после обеда воробей*. Пословица употребляется, когда говорят о человеке, любящем похвалиться, но ничего не значащем на деле. Впечатления от пения двух птиц очень различны: пение соловья будит

в нас прекрасные чувства, а чирикание воробья настолько привычно, что мы его не замечаем. Переносные значения названий птиц таковы: «соловей» – пустобай, хвальбун (например, *заливаться соловьем*); «воробей» – робкий, трусливый, незаметный человек. Следовательно, образ, создаваемый при помощи контраста орнитонимов, – это человек, «великий» на словах, но незначительный на деле.

6. *Индюшки от воробья не распознает*. Выражение обозначает отсутствие в человеке элементарной наблюдательности, поскольку птицы, упомянутые в пословице, значительно отличаются по размерам.

7. *Полетели за море гуси, прилетели тож не лебеди*. Гуси-лебеди – традиционное в русском фольклоре связывание двух водоплавающих птиц, обладающих формальным внешним сходством (перепончатые лапы, белое оперение, длинная шея и т. д.), но различных с эстетической точки зрения. Гусь – неловкий, некрасивый, в переносном смысле «неотесанный человек». Лебедь – грациозная, красивая птица. В связи с этим русская пословица означает, что чужая сторона не меняет людей ни внешне, ни внутренне.

8. *Стрелял в воробья, а попал в журавля*. Смысл пословицы зависит от противопоставления двух птиц: маленького воробья и значительного по размеру журавля. «Стрелять в воробья» – начать дело, не ожидая большого результата (параллель с ФЕ *стрелять из пушки по воробьям*); «попасть в журавля» – получить значимый результат. Выражение содержит идею неожиданности, так как намерение не соответствовало результату, превзошедшему ожидания. Контраст двух птиц в данном случае повлиял на смысловые различия сходных по структуре, но варьирующихся по значению фразеологизмов.

Таким образом, контрастирование двух объектов (например, птиц) – распространенный в русской фразеологии стилистический прием, помогающий образнее выразить идею оборота.

Некоторые контрастные пары – результат самобытного видения мира говорящими на данном языке. Это следующие контрасты: *сокол – ворона* (символы доблести и трусости), *журавль – синица* (большой и малый доход), *соловей – воробей* (певец – пустобай, трусишка).

Таким образом, фразеологические метафоры в русском языке обладают значительной долей самобытной образности.

Большинство ФЕ с названиями птиц однозначны. Их значение восходит к соответствующему свободному сочетанию: *глядеть орлом* – смотреть гордо и смело.

ФЕ с орнитонимами в русском языке могут передавать различные понятия, связанные с человеком, а именно:

- лень: *гонять голубей, считать ворон/галок*;
- лесть: *заливаться соловьем*;
- высокое (социальное) положение: *важная птица, птица высокого полета*;
- сомнительное (социальное) положение: *ворона в павлиньих перьях, ни пава ни ворона*;
- различные состояния человека: *белая ворона, вольная птица, глухая тетеря, гусь лапчатый, сонная тетеря, старый сыч*.

Неантропоморфные понятия включают:

– профессиональные понятия: *страусиная политика* (полит.) – политика избегания проблем;

– цвет: *белый лебедь, вороново крыло*;

– положение в пространстве и направление: *воробью по колено, куда ворон костей не носил*;

– количество: *короче воробьиного носа*.

Многозначные обороты обычно имеют не более двух значений: *первая ласточка* – 1) первый признак; 2) первопроходец, первооткрыватель; *с гулькин нос* – 1) очень мало (о количестве); 2) очень маленький (о длине); *птичка улетела* – 1) об упущенном шансе; 2) освободиться из плена. В приведенных примерах различия в семантике многозначного фразеологизма обусловлены прямым или переносным значениями названий птиц.

Анализируя систему ФЕ с орнитонимами, можно выявить два основных типа отношений между его составляющими: антонимические и синонимические.

Антонимические отношения представляют:

1) структурные антонимы, образующиеся при замене одного компонента на противоположный: *птица высокого – низкого полёта; расправить – сложить крылья*;

2) семантические антонимы. Это противоположные по означаемому фразеологические единицы: *вольная птица – птичка в клетке; первая ласточка – лебединая песня*.

Синонимичные обороты обычно включают слова одинаковых частей речи и выполняют в предложении одну и ту же синтаксическую функцию. Например: *считать галок – гонять голубей (бездельничать)*.

Разновидности синонимических отношений встречаются в единицах следующих типов:

а) вариантные фразеологические единицы, они образуются при замене одного элемента в структуре фразеологизма на другой без изменения смысла, например: *галок считать – голубей считать, с гулькин нос – с воробьиный нос*; для некоторых вариантных фразеологических единиц характерны гиперонимические отношения заменяемых компонентов: *обстрелянная птица – стреляный воробей*;

б) стилистические идеографические синонимы, они представлены книжными и разговорными вариантами фразеологических единиц: *«орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться»* (книжн.) – *знай, ворона, своё «кра!»* (разг.).

Таким образом, как антонимические, так и синонимические ряды фразеологических единиц с компонентами-номинациями диких птиц свидетельствуют о функционировании «птичьих» метафор в русском языке.

Анализируя вопрос образования фразеологических единиц с компонентами-наименованиями птиц, отметим, что строгих критериев отбора этимологических гипотез во фразеологии не существует и по сей день. «Поскольку фразеологизм – немоделированная, формально и семантически индивидуальная структура, то все попытки установить его этимологический этимон мето-

дом, подобным этимологическому анализу слова, заранее обречены на неудачу: этимон слова вскрывается на пересечении его фонетических, словообразовательных и семантических моделей. Модели же фразеологического этимона, исходя из тезиса о немоделируемости структуры фразеологизма, не должны существовать вовсе» [2, с. 24–25].

В то же время возможно установить источник образования фразеологизма, т.е. «тот запас и силу, из которой» он «истекает и рождается, происходит» [1, с. 59].

По соотнесенности с языковыми факторами источники ФЕ с птицами можно разделить на внеязыковые и языковые. Рассмотрим их подробнее.

К «неязыковым источникам ФЕ относятся история, быт, культура. ФЕ подобного происхождения имеют яркую национальную специфику. В то же время, они подлежат устареванию и переосмыслению по мере отживания явления, давшего им жизнь. Например, выражение «*голодный француз и вороне рад*», возникшее во время Отечественной войны 1812 года, потеряло актуальность в XX веке.

Заимствование – источник фразеологических соответствий. Заимствованные ФЕ появляются в языках посредством межъязыковых контактов. Среди русских оборотов этого типа с орнитонимами есть заимствования из латинского языка: *белая ворона* (лат. *albo corvo rarior* – реже, чем белый ворон); *крылатая молва* (лат. *fama volat* («молва летит»)); *молва* (*fama*) – богиня с крыльями и тысячей глаз и голосов из римской мифологии).

Заимствования из скандинавских языков – ФЕ, вышедшие из легенд (*летучий голландец* – легенда о загадочном корабле-призраке, который был покинут командой по неизвестным причинам) и художественных произведений (*синяя птица* – название пьесы М. Метерлинка, символ счастья).

Таким образом, источники ФЕ определяют свойства оборотов. Выражения, образованные из экстралингвистических источников, отличаются самобытной образностью.

В китайской паремиологии также распространены выражения с компонентами-названиями диких птиц, живущих на воле.

А. Журавль:

闲云野鹤 – ‘вольное облако и дикий (одинокий) журавль’ (в значении: не связанный никакими обстоятельствами, вольный; полная свобода).

Б. Ласточка:

五雀六燕 – ‘пять воробьев или шесть ласточек’ (в значении: почти одно и то же, почти равное по значению).

В. Орел:

一箭雙雕 – ‘одной стрелой убить двух орлов’ (в значении: одним действием добиться двойного результата).

Г. Сорока:

鹊巢鳩佔 – ‘сорочье гнездо занимает горлица’ (кукушка; первоначально в «Шицзине» ФЕ имела значение «молодая жена переезжает в дом мужа»; позже семантика развилась до «захватывать чужое место, имущество, положение»).

Д. Воробей:

门可罗雀 – у ворот можно воробьев ловить (образно о разорившейся семье, с которой все прекратили связи; никто не приходит; в воротах можно ставить сети для воробьёв; мало посетителей).

Е. Ворона:

天下乌鸦一般黑 – все вороны в мире одинаково черны (плохие люди везде одинаковы; один другого не лучше).

Ж. Лебедь:

癞蛤蟆想吃天鹅肉 – жаба хочет отведать лебединого мяса (о несбыточных мечтах).

Таким образом, на основе проведенного анализа, можно заключить, что в китайских паремиях журавль относится к птицам с положительным коннотативным значением, ворона несет в себе отрицательную коннотацию, а воробей – нейтральную.

Сравнительный анализ символического компонента семантики птиц в русском и китайском языках показал, что можно говорить о трех группах номинаций:

1. Наименования птиц, символически совпадающих в русской и китайской культурах, к этой группе относятся такие птицы как: *ворона* – символ несчастья, беды, смерти; *голубь* – символ мира, счастья, божественной сущности; *орел* символ могущества, силы; *курица* – символ низкого интеллекта.

2. Наименования птиц, символически различающихся в русской и китайской культурах, к этой группе относятся большая часть номинаций птиц, имеющих символический компонент –

• *Аист* – 鶴: в русской культуре символизирует счастье, плодородие, рождение детей, а в китайской – это символ долголетия. Подобная же символика передается через образ похожей на аиста птицы – журавля. В даосизме журавль символ долголетия. Бог Смерти летает на журавле. Если человек умер, то китайцы говорят «Он улетел на журавле на Запад».

• *Воробей* – 麻雀: в русских паремиях – символ грабежа и воровства, что делает воробья «нечистой» птицей. Также в русском фольклоре воробью приписывается брачная и любовно-эротическая символика, связанная с мужским началом. В китайской наивной картине мира – это символ шумности и бессмысленной болтовни, часто женской. При этом воробей также может выступать символом мужской сексуальности. Еще одно важное свойство – воробьи, захваченные людьми, упорно сопротивляются, чтобы победить человека. Дух воробья очень силен. Пойманный воробей плотно закрывает глаза и рот, не принимая пищу от человека. За это китайцы уважают воробья, несмотря на то, что это очень маленькая птица.

• *Жаворонок* – 云雀: в русской культуре – символ «чистой», божьей птицы. Прилет жаворонка символизирует начало весны, кроме того, жаворонок обычно поет рано по утрам, находясь неподвижно высоко в небе, поэтому людей, которые рано просыпаются, называют жаворонками. В китайской культуре жаворонок – это символ музыки, пения и состояния радости, света, красоты.

• *Кукушка* – 杜鹃: в русском языковом сознании символизирует женщину, не имеющую своего постоянного жилья и семьи, оставившую своих детей. У китайцев – это символ несчастного, печального человека, который оказался в одиночестве и страдает от этого.

• *Ласточка* – 吞下去: у русских – символ «святой» птицы, связанный с Богом. Ласточка – покровительница дома, символизирует женское начало. В китайской культуре ласточка символизирует весну, обновление жизни, аналогично русскому жаворонку.

• *Лебедь* – 天鵝: в русской культуре – это символ «святой» птицы. Тесно связан с брачной и любовной символикой, символ верности в браке. В китайской культуре – это символ божественной любви.

• *Павлин* – 孔雀: Символ экзотической красоты. В русской культуре воспринимается как птица, осознающая свою красоту и любующаяся собой. Поэтому используется для характеристики человека, который показывает свое превосходство, красуется, хвастается или одет в излишне яркую одежду. У китайцев павлин – это символ мира.

• *Сова* – 猫头鹰: у русских символизирует ум, мудрость, а в Китае – это символ смерти.

• *Соловей* – 夜莺: в русской культуре – символ музыки, пения и любви, а в китайской – добра.

• *Попугай* – 鸚鵡: в русской наивной картине мира символизирует человека, который ярко и безвкусно одет или кого-то копирует, а в китайской – это символ любви.

Помимо этого, при анализе русских и китайских паремий был выявлен ряд лакун, например, такая птица, как *тетерев*, не встречается в китайских паремиях, но есть в русских: «*видом орел, а умом – тетерев*» (говорят о глупом человеке).

Необходимо сказать, что коннотативная семантика в русском и китайском языках имеет резкое отличие. В основе сходств или различий коннотаций лежат как общие, так и отличительные признаки. Приведем в качестве примера журавля. *Журавль* в русском языке – символ верности Родине. Каждую осень журавли улетают, крича, показывая нежелание покидать Родину. Однако в китайском языке журавль почитается как символ мудрости и красоты, а также долголетия.

Паремии с компонентами-номинациями птиц в русском и китайском языках имеют множество отличий. Коннотативная семантика одних и тех же номинаций может быть совершенно различной.

3. Наименования птиц, символически выделяемых только в русской или китайской культурах.

В русской языковой картине мира символически отмечается такая птица, как индюк. Этот образ характеризует человека как необоснованно высокомерного глупца, представление о собственной важности и значительности которого ни на чем не основано, из-за чего он выглядит комично.

Каждый орнитоним уникален и отражает лишь фрагмент целостной картины мира и определенным образом реализуется в сознании носителя языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Цитадель, 1998. – 4472 с.
2. *Мокиенко, В. М.* Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.
3. 汉俄成语辞典. — 哈尔滨: 哈尔滨外国语学院出版社, 1958. — 895 页. = Китайско-русский фразеологический словарь. – Харбин : Харбинский ин-т иностр. яз., 1958. – 895 с.